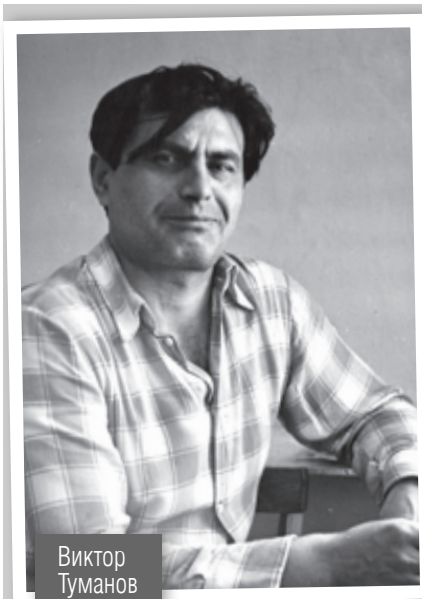

Рассказы

✎ Виктор Туманов

Виктор Туманов

Справка «ММ»

Виктор Туманов родился 20 октября 1938 года в селе Кордюково Смоленской области. Воспитывался в детском доме. После окончания ремесленного училища был разнорабочим строительно-монтажного поезда на Донбасской железной дороге, грузчиком в воинской части, рабочим стройбригады, зольщиком в котельной Заокского химического завода. В 1966 году по договору с трестом «Магнитострой» приехал на работу в Магнитогорск. Трудился в различных подразделениях треста плотником-бетонщиком, автослесарем, слесарем-ремонтником завода железобетонных изделий. Награждён медалью «За трудовую доблесть». С 1978 года до выхода на пенсию – корреспондент газеты «Магнитострой».

В 1968 году стал членом магнитогорского литобъединения «Красное солнышко». Тогда же состоялась первая литературная публикация. Но только через семь лет после смерти, в 2007 году, в серии «Литература Магнитки. Избранное», издаваемой под патронажем газеты «Магнитогорский металл», вышла первая книга прозы Виктора Туманова «Люби меня в красном».

✎ Виктор Туманов

Медь

Огуречная ботва зацвела, и тормозит Кирюха её листок за листком, авось где-нибудь наткнётся на зелёный пупырышек. А его и в помине нет, хоть ложись на лавку под божницей и вытягивайся в струнку. Да стыдно: старухи, и те шастают по лугам, щавель термуют, на жирных пепелищах молодую крапиву рвут – плохие щи, а в рот тащи, всё на тень похож не будешь.

Но приبلудный котище Хриц – кожа да кости – от этих щей морду воротит.

– Какого ж тебе рожна, тварь божья, надоть? – гневно топает ногой Химка Рыжова. – Ишь, усталился на стол, будто на нём горшок с варёной требухой!

Кот ныряет в подпечек, и не успели Химка и Кирюха выскрести до блеска глиняную чрепку с крапивными щами, возвращается с мышью в пасти, важно приближается к обутым в лапти Химкиным ногам, роняет мышь и снова направляется в подпечек.

– Вот Хриц так Хриц! – восхищается Химка. – Это ж он нам принёс. Да нам его еда-то хуже этих щей. Надо ему хоть хлебца дать, а и хлеб вышел. Нарвал бы, Кирюха, щавелю, да на базар. Авось бы и копейка какая ни то появилась.

Может, баба и человек, только не Химка. Хуже семилетнего Кирюхи. Носили старухи на станцию этот щавель, а обратно еле ноги волокли. Видать, на станции тоже не лыком шиты, копейки за щекой держат – может, они им слаще конфет – не вытянешь. А и Хрица чем-то за доброту его порадовать надо. Шкилет шкилетом, а мышь, по своему кошачьему разумению, на прокорм хозяевам принёс. Кирюха – не далёк день – огурцов дожждётся, а там букла в силу войдёт, и малина кое-где подрумянивается – живи-попукивай. А Хрицу что сегодняшние щи? Переловит он всех мышей под печкой, куда, бедному, податься? У него и сейчас глаза гно-

ятся, запаршивел от бескормицы. Надо выручать Хрица, шевелить мозгой, умных речей послушать. Мамке ли стонать: всякая овощь из земли прёт – на вожжах не удержишь. Недельку какую перемаяться осталось.

Самый умный человек – Витьки Голубкина дядя, Алексей Панкратович Голубкин, в хромовых сапогах, гимнастёрке, с одной медалью. На станцию чуть свет уходит, в избу вползает затемно на карачках, съёт Витькиной маме красненькую:

– Возьми на разживу, сестра моя Настасья, да Витьку завтра со мной занарядь – хлебом помогу ему отовариться.

И правда, не переводится у Голубкиных хлеб на столе. Ещё и Кирюхе ломоть перепадает. Но он у Голубкиных слюну проглотит и ломоть – под рубаху... да к губам. По крошке да по крошке от ломтя щиплет, все пальцы себе исцелует, чтоб крохотки не уронить, пока за пупок себя не ушипнёт, – так и не донесёт до Химки. И в глаза Хрицу стыдно посмотреть. А он, котище, как нарочно, добротой своей доканывает: подлезает под бок и затягивает длинную теплую песню: мирр, мирр, мирр.

Божится, клянётся Кирюха, что в другой раз не прикоснётся к голубкинскому хлебу, всё до последней назубинки поделит между мамкой и Хрицем. Какое там!

Купала его как-то Химка в корыте, спрашивает:

– Клоп тебе, штоль, весь живот покусал?

Клоп, да не тот. Сам себе Кирюха клоп.

А Алексей Панкратович дух переведёт и, тихо на стул угнездившись, твердит непонятное:

– Сегодня полтонны меди принял.

Что за медь такая? Мёд что ли, вроде того, что качает Иван Криворотов из трёх ульев? Алексей Панкратович не дитё малое, слова зазря подлащивать не будет. Мёд – это мёд, а вот что такое медь?

Крепился Кирюха, долго не спрашивал. Кому охота чурбаном себя выставить? Но когда Химка посоветовала ему по торговой части пойти, лопнуло терпение.

Алексей Панкратович Голубкин – душа у него в этот поздний вечер теплилась, как восковая свеча, – не

одолел крыльца, так с улицы и провозгласил:

– Сестра... Настасья, две красненьких прими на обезвешивание. Сегодня полторы тонны меди принял. Была война злой мачехой, а прищучили её этим годом в Берлине – стала мне верной помощницей.

У Кирюхи глаза и всегда навывкате, а от таких слов они на лоб вылезли. Ни от кого не слышал он такой премудрости. Это надо ж, отгремевшую войну, и ту Алексей Панкратович Голубкин себе в помощницы обратал: вроде лошади, что ли, сел на неё и ну погоняет – топай, дескать, кровавая, кому говорю.

Настасья десятки сгребла, спрашивает:

– Кваску вынести? Сейчас Витька жбанок черпанёт. Витька! Хватит дрыхнуть-то, что кура на шесте, – дядя вернулся.

– Пусть дрыхнет, – вяло отмахнулся Алексей Панкратович.

Настасья юркнула в сени, и тут Кирюха осмелился:

– Дядь, Алексей Панкратович...

– Что, закурить тебе? Слазь ко мне в левый карман – там «Северная Пальмира».

– Не, – выдавил Кирюха, – я не курю.

– А Витька, племян мой, портится. Настасья охает: табаком провонял. Должно, у меня тырит.

– Не знаю.

– Чего не знаешь?

Не думал, не гадал Алексей Панкратович своим вопросом выручать Кирюху, а ведь выручил, будто из проруби ледяной вытащил.

– Что такое медь? – единым духом выпалил Кирюха.

– Медь! – воскликнул Алексей Панкратович, сладострастно выпячивая толстые губы. – Медь! Это понятой войны. Высшая стратегия и тактика-практика. Наша медь – фашисту смерть. Чтобы порох был сухим, его в медную гильзу насыпают. Но мне патронов не носи, мне гильзы подавай. Мне война – не брат, не сват и не сестра, а помощница.

Поди ж ты, хмельной вдрезину, а как чешет языком! Сам в брючный карман слазил, пачку «Северной Пальмиры» выудил, словно патрон, покатав на ладони папироску с длинным мундштуком, спичкой о штанину чиркнул и задымил, как паровозная труба. Не гонит от себя Кирюху, похлопывает по крыльцу трёхпалой левой рукой – хотя ка-

– Куда яблоки несешь?

– Вам, дяденьки.

Взяли немцы по яблоку, о штаны вытерли и надкусили – сок так и брызнул тонкими струйками на белесую Ванькину макушку.

– Мы, – говорят немцы, – теперь твоими хозяевами будем.

– А у меня мама хозяйка.

– Мы и её хозяевами будем. Где она?

– Корову доит.

– Мильх – это карашо! – сказали немцы.

Разулись они на крыльце, окружили Ваньку вонючими сапогами. Один немец в карман полез. Ванька обрадовался, – конфетку-шоколадку ждёт. А немец достал плоскую баночку и велел Ваньке руками гуталин из неё брать и сапоги чистить до блеска.

Мать молоко в сени со двора занесла, выглянула на крыльцо, а там Ванька то ли себя, то ли чужие сапоги гуталинит.

– На кого ж ты похож, сынок?

– Фасисты заставили... Дай им молока, авось добрее будут.

– Гуталину бы им в глотку, а не молока, – буркнула Алтыниха.

Тут немец в одних носках из избы выскочил со своей алюминиевой кружкой, хлобысь её в ведро:

– Карош мильх, карош!

– Давитесь на здоровье, – говорит Алтыниха.

Немец ковырнул острым ногтем Ванькину макушку:

– Карош мутер – карош свин!

«Надо им грибов собирать, авось забудут, что они фасисты», – подумал Ванька и вбежал в избу за корзиной. Второй немец сидел за столом, банку с пахучим мясом открывал финкой, глянул на Ваньку, перепачканного гуталином, и завизжал как недорезанный:

– Век, швайн, век!

– Я вам грибов принесу! – крикнул Ванька, хватя корзину из-под кровати и через огород – к лесу.

– Я помогу, Ванюша! – кинулась за ним Алтыниха.

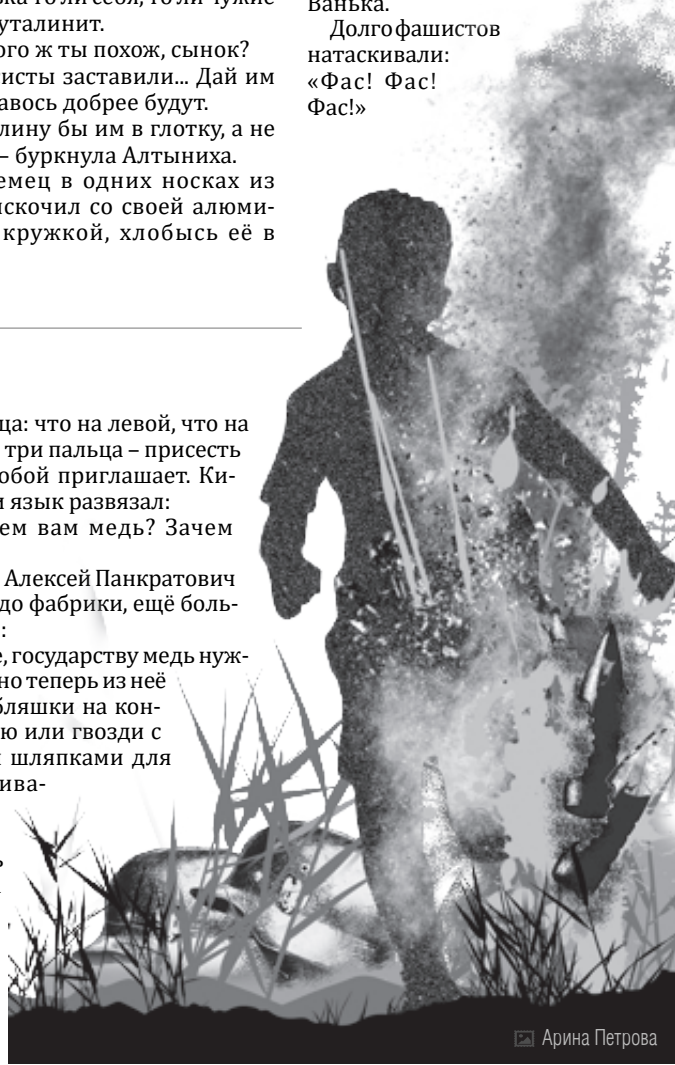
А немцы, словно им кто «Фас!» сказал, выскочили за ними и пустили пули вдогонку.

– Парти-ззз-зан! – визжат пули.

– Я вам гри... – не договорил Ванька.

Долго фашистов натаскивали:

«Фас! Фас! Фас!»

Арина Петрова

как рукой сняло, встал он резво на ноги, спустился с крыльца:

– На станцию я. И ты время даром не разбазаривай, за наволочкой дуй – и на Вору.

Такой уж он умный человек, Алексей Панкратович Голубкин, опохмеляться ему с утра не надо и совета доброго не жаль.

Не было в Кирюхиной избе наволочки, схватил он ведро и подался на берег Вори. А гильзы сами из травы выставляются, солнце уж выкатилось и золотит им бока. Набрал Кирюха ведро под завязку – руку оттягивает, всё тело к земле дугой выгибает. И показалось Кирюхе, что помощница Алексей Панкратовича ему на спину уселась и шепчет: так, дескать, и буду каждый раз на тебе на станцию ездить.

Озлился Кирюха, перевернул ведро, гильзы муравьиной кочкой вспотропились. Долго топтал их Кирюха босыми ногами, пока не вогнал в землю. И всё приговаривал:

– Не нужна мне такая помощница!

Шмыгнул на огород – под первым листком пузатенький огурчик наливаются. Срывать не стал: через день он ещё больше нальётся. Поднял голову – малина краснеет. А кот Хриц важно шествует к лесу за огородом – там заповедный мышиный край. Не пропадёт котище!